

М. М. ГУХМАН

О СООТНОШЕНИИ НЕМЕЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
И ДИАЛЕКТОВ

1

Термин «литературный язык», широко применяемый в работах по русскому или французскому языкам, мало употребителен в исследованиях по истории немецкого языка. Многообразие диалектов здесь обычно противопоставляется «Schriftsprache» («письменный язык»). Этим объясняется и название таких сводных работ, как монография А. Социна «Schriftsprache und Dialekte im Deutschen...»¹, или книга В. Хенцена «Schriftsprache und Mundarten»². Противопоставление это, став традиционным, повторяется и в заглавиях некоторых более частных исследований³.

Содержание термина «Schriftsprache» отнюдь не стабильно. В соответствии со своей внутренней формой данный термин часто применяется для обозначения письменного языка в собственном смысле слова. Во многих работах, однако, он употребляется с более широким содержанием и используется для обозначения единой наддиалектной нормы, сложившейся к XVIII в. и существующей до настоящего времени не только в письменной фиксации, но и в устной форме⁴.

Противоречивый характер употребления термина «Schriftsprache» отмечался неоднократно в литературе, в частности на это обращал внимание в своей обзорной работе и В. Хенцен⁵. Впрочем сам Хенцен под «Schriftsprache» понимает именно язык письменности⁶, противопоставляемый им всему многообразию диалектов. В этом случае письменная форма общения обособляется от всех разновидностей устной формы общения, в том числе и наддиалектной нормированной разновидности народно-разговорного языка. Подобная точка зрения вряд ли является правильной.

Наряду с термином «Schriftsprache», часто конкурируя с ним, в литературе по немецкому языку используется термин «Hochsprache» (например,

¹ A. Socin, Schriftsprache und Dialekte im Deutschen nach Zeugnissen alter und neuer Zeit, Heilbronn, 1888.

² W. Henzen, Schriftsprache und Mundarten, 2-e Aufl., Bern, 1954.

³ Ср., например: O. Behagel, Schriftsprache und Mundart. Rektoratsrede, Gießen, 1896; E. Steiger, Mundart und Schriftsprache in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts, Freiburg, 1919 и др.

⁴ Ср., в частности, такое понимание «der Schriftsprache» у О. Бехареля. Один из разделов своей работы «Die deutsche Sprache» (11-е Aufl., Halle, 1954) он называет «Die Schriftsprache als Einheitssprache im Gegensatz zu den örtlichen Verschiedenheiten der Mundarten» (стр. 38).

⁵ См. W. Henzen, указ. соч., стр. 10.

⁶ Ср., например, его определение: «Als Schriftsprache hat faktisch zu gelten die für den schriftlichen Verkehr bestimmte und als solche in den einzelnen Epochen anerkannte Sprachform» (указ. соч., стр. 37).

die neuhochdeutsche Hochsprache) для обозначения языкового единства, противопоставляемого многообразию диалектов и стоящего над ними. Термин «Hochsprache» включает как устную, так и письменную форму языка, хотя и не всегда употребляется однозначно¹. К тому же он вызывает и известные нежелательные ассоциации в связи с тем классовым содержанием, которое вносили некоторые реакционные языковеды, рассматривавшие «Hochsprache» как продукт творчества господствующих классов, придавших высшую форму обработки немецкому языку.

В новейших зарубежных работах по немецкому языку, как, например, в докладе проф. В. Штейница², делается, однако, попытка ввести термин «Literatursprache» («литературный язык») для обозначения единой наддиалектной нормы немецкого национального языка. Несмотря на то, что само понимание литературного языка в этом докладе не раскрывается более подробно, В. Штейниц подчеркивает, что понятие «литературный язык» включает как письменную, так и устную форму языка. Отождествляя понятие «литературный немецкий язык» с понятием «современный немецкий язык» («deutsche Sprache der Gegenwart»), что является спорным, В. Штейниц противопоставляет его многообразию диалектов.

Однако современный немецкий национальный язык включает не только литературную норму (литературный язык), но и все многообразие немецких диалектов, причем литературный язык является высшей формой национального языка, подчиняющей себе местные диалекты. Сложность соотношения литературного языка и диалектов в Германии, легкость проникновения диалектных явлений, особенно фонетических, в литературный язык, устойчивость полудиалекта, весьма распространенного среди широких слоев населения в качестве народно-разговорной формы современного немецкого языка, представляющей собой посредствующее звено между литературной нормой и диалектом, не позволяют ограничивать содержание понятия «современный немецкий язык», сводя его только к литературному языку.

Вместе с тем весьма существенно отметить, что литературный язык — понятие историческое. Его содержание меняется в зависимости от конкретных исторических условий. В эпоху существования развитых национальных языков литературный язык в его письменной и устной разновидностях является выразителем единой общенациональной нормы, противостоящей многообразию местных диалектов; он выступает как высшая форма общенационального языка. В более ранние периоды отношение литературного языка (если это не чужой язык, как, например, латынь в Западной Европе, а литературный язык, основанный на базе родного языка) к местным диалектам значительно сложнее, что отражается и на самом характере единства общенационального языка. В то же время особенности литературного языка, его место в системе общенационального языка и его соотношение с диалектами могут быть различными в разных языках. Специфические условия развития отдельных народностей, пути развития этих народностей в нации отражаются и на характере литературного языка и на его соотношении с местными диалектами. Наличие или отсутствие чужого литературного языка, степень диалектной раздробленности, характер письменности на родном языке и многие другие факторы влияют на характер литературного языка, его отношение к местным диалектам и вместе

¹ См. литературу, приведенную в этой связи В. Хенценом (указ. соч., стр. 11, прим. 2).

² См. W. Steinitz, Über die Aufgaben der Abteilung «Deutsche Sprache der Gegenwart», сб. «Das Institut für deutsche Sprache und Literatur», Berlin, 1954: «Ich verwende im folgenden, freilich auch mit Vorbehalt, als Terminus für den ganzen Komplex *Literatursprache*...» (стр. 68).

с тем определяют место литературного языка в системе языка общенародного.

С другой стороны, литературный язык имеет свои основные признаки, позволяющие рассматривать то или иное языковое явление как факт литературного языка. Несмотря на то, что многие советские языковеды уделяли особое внимание выделению системы признаков литературного языка¹, мы не имеем еще общепринятой точки зрения по этому вопросу. Более или менее общими являются, однако, следующие положения²: 1) литературный язык может существовать не только в письменной, но и в устной разновидностях, в связи с чем он не равен письменному языку; 2) не всякая письменная фиксация может быть отнесена к литературному языку; так, например, широкое использование местных диалектов в немецкой художественной литературе для речевой характеристики персонажей отнюдь не является фактом литературного языка, в равной степени как и сохранившиеся в немецких городских книгах записи опросов свидетелей, весьма ярко отражающие местные особенности той или иной области Германии, нельзя рассматривать как факт литературного языка данного исторического периода; 3) литературный язык и язык художественной литературы — понятия отнюдь не тождественные. С одной стороны, содержание понятия «литературный язык» шире, поскольку и язык публицистики, и язык других жанров письменности могут относиться к литературному языку; вместе с тем литературный немецкий язык выступает в современной Германии не только в письменной, но и в устной формах общения. С другой стороны, понятие «литературный язык» уже понятия «язык художественной литературы», поскольку в языке художественной литературы широко используются диалект, полудиалект, а также элементы просторечия, недопустимые в литературном языке; 4) для литературного языка типичен отбор языковых фактов; сознательность этого отбора особенно сильна в определенные исторические эпохи, например, в период формирования национального литературного языка; в другие периоды может действовать установившаяся традиция или сложившаяся общая норма. Сам факт отбора создает особую обработанность литературного языка, которая является важнейшим его признаком.

2

Соотношение немецкого литературного языка и местных диалектов было качественно отличным в разные периоды истории немецкого языка. При этом характер литературного языка в ранние периоды его истории, а также процесс выработки единого литературного языка определялись специфическими условиями формирования языка немецкой народности и закономерностями его развития в немецкий национальный язык.

Язык немецкой народности сложился на базе объединения близкородственных диалектов трех племенных групп — иствеонов (франки), герминонов (алеманны, баварцы и др.), ингвеонов (саксы). Насколько позволяют судить языковые и археологические данные, этому объединению предшествовал длительный (не менее 500—600 лет) период обособленного существования трех племенных групп, вследствие чего к эпохе образова-

¹ В последнее время особенно В. В. Виноградов и Р. И. Аванесов.

² См. в этой связи Р. И. Аванесов, Литературный язык в его отношениях к системе общенародного языка, «Открытое расширенное заседание Ученого совета [Ин-та языкознания АН СССР]. 13—16 июня 1955 г. Тезисы докладов и выступлений», М., 1955.

ния немецкой народности (IX—X вв.) между диалектами немецкого языка существовали значительные расхождения.

Сопоставление одного из северных диалектов — древнесаксонского — с диалектами южными, алеманнским и баварским, показывает существенные отличия в области фонетического строя, в грамматике и лексике.

В области фонетики расхождения касаются всей фонетической системы сопоставляемых диалектов. Так, например, старые общегерманские дифтонги **ai*, **ai* исчезли в древнесаксонском диалекте, превратившись в монофтонги, тогда как в южных диалектах монофтонгизация происходила лишь в ограниченных комбинаторных условиях, общей же закономерностью являлось лишь сужение старых дифтонгов. Поэтому южному *ouch* «также» соответствует саксонское *ōk*, а южному *heizzan* «называться» — саксонское *hētan*. Наряду с этим старые общегерманские долгие **ō*, **ē* дифтонгизировались в южных диалектах и оставались долгими в саксонском, вследствие чего южному *guat*, *guot* «хороший» соответствовало саксонское *gōd*, а южному *heaz*, *hiaz*, *hiez* «назывался» — саксонское *hēt*. Тем самым в древнесаксонском диалекте как старым, так и новым дифтонгам юга соответствовали долгие монофтонги.

В области консонантизма II передвижение согласных на юге охватывало всю систему согласных, в то время как на севере оно полностью отсутствовало, что привело к резким расхождениям в звуковом оформлении генетически тождественных единиц.

В области грамматики эти расхождения были более ограниченными, однако все же они распространялись на различные морфологические категории. Так, например, в склонении личных местоимений 1-го и 2-го лица южным формам дательного, винительного падежей *mir* — *mich*, *dir* — *dich* соответствовала одна форма, не совпадающая ни с дательным, ни с винительным падежами южных диалектов, а именно: *mê* / *mi*, *dê* / *di*.

В склонении имен существительных расхождения касались форматов показателей отдельных падежей; ср., например, множественное число от слова «день»: южное *tagā* — северное *dagos*. В склонении имен прилагательных обращает на себя внимание отсутствие так называемой сильной формы именительного падежа в саксонском, в противоположность южным диалектам.

В системе личных окончаний глагола саксонский диалект обобщил во множественном числе настоящего времени окончание 3-го лица, тогда как та же парадигма на юге сохраняла старую дифференциацию по лицам.

Небезинтересно отметить, что многие характерные признаки саксонского диалекта, в частности и отличия в грамматическом строе, по сравнению с другими немецкими диалектами, делают его близким англо-фризской диалектной группе, а следовательно, древнеанглийским диалектам.

То же самое можно сказать и о лексике. Диалектные расхождения охватывают самые разнообразные сферы лексического состава, включая личное местоимение 3-го лица — южное *er*, саксонское *he* и служебные слова типа предлогов, союзов. Ср. южное *unz*, северное *bit* «до тех пор», «пока», южное *oder*, северное *efte* «или», южное *zosammene* и северное *to gader* «вместе»; для саксонского характерно первоначальное отсутствие предлога *in*; вместо него в древнесаксонских памятниках употребляется предлог *an*. Противопоставление южных языковых областей северу Германии сказывается и в путях проникновения и ассимиляции лексических групп, связанных с распространением христианства: ср. др.-сакс. *offrôn* «жертвовать» < лат. *offerre* и южн. *opfarôn* < лат. *operari*; ср. сакс. *otmôd* и южн. *demuot* «смирение» и т. д. Явления эти были отмечены известным немецким языковедом Т. Фрингсом в ряде его работ. Конечно, среди

древненемецких диалектов южные, алеманнский и баварский, с одной стороны, и северный — саксонский, с другой, занимают крайние позиции. Промежуточным звеном являлся франкский диалект, подразделявшийся на несколько наречий.

Несомненно, однако, что объединение трех групп близкородственных племен в единую немецкую народность создавало новые условия для существования прежних племенных диалектов, несмотря на сложившиеся расхождения и сохранявшуюся диалектную обособленность. Характерным для диалектов языка немецкой народности является процесс их взаимодействия, приводящий к распространению явлений, на первых порах территориально весьма ограниченных, в пределах разных диалектов немецкого языка.

Так произошло известное распространение II передвижения согласных из южных областей на территорию франкских наречий — явление, отмеченное еще Ф. Энгельсом, а затем подробно изученное и описанное Т. Фрингсом. «Оверхненемечивание» франкских наречий сказывалось также в адаптации южных местоименных форм и т. д. Другие явления распространялись, напротив, из франкских наречий. Процессы эти продолжались и в более поздний период. Они вели к увеличению количества общих характерных особенностей немецкого языка, представленных на более широких территориях, чем районы первоначального распространения диалектных отличий, и тем самым цементировали единство языка немецкой народности.

Не касаясь вопроса о том, как сказывалось формирование феодальных территорий на процессах дифференциации и сближения диалектов, отметим лишь, что длительное существование значительных расхождений в немецком языке различных областей Германии не могло не оказать влияния на формирование немецкого литературного языка и на закономерности его дальнейшего развития.

3

Наше представление о диалектах немецкого языка IX, X, XI вв. базируется на письменных памятниках и на данных исторической диалектологии, поэтому оно, конечно, не может быть полным. Однако, видимо, даже первые попытки письменной фиксации немецкого языка не давали непосредственного отражения народно-разговорного языка во всех существовавших в ту эпоху диалектных разновидностях; несмотря на наличие резких диалектных особенностей в письменности IX, X вв., в ней уже сказывается специфическое качество языка письменных памятников. Большинство письменных памятников этой эпохи представляет собой переводы с латинского, нередко подстрочные¹ или почти подстрочные² со своеобразной лексикой, богатой неологизмами, нередко являющимися кальками с латинских образцов. Ср., например, кальки типа *arm-herzi* или *arm-herzida* в соответствии с лат. *misericordia*, *forascounga* или *fore-siht* как перевод лат. *providentia*, *zeichenunga* для передачи лат. *descriptio*, *festenunga* = лат. *affirmatio* и т. д.; ср. также неологизмы *gewahst* = *quantitas*, *wiolicli* = *qualitas*, *wissprachunga* = *disputatio*, *wist*, *wesinî*, *wesanussida* = *substantia*; нередко одному латинскому термину соответствует несколько неологизмов; так, лат. *resurrectio* «воскресенье» соответствует *arstantnessi*, *urstendida*, *urstant*, *urstôdalî*, *ufferstende*, *urrist*; лат. *temptatio* «искушение» соответствуют нем. *freisa*, *khora*, *chqrunga*,

¹ Как, например, статут монахов Бенедиктинского ордена.

² См., например, свод евангелий Татиана.

bechorunga, *kostunga*, *spanst*, *kaspanst*, *ursôch* и т. д. Влияние латыни сказывалось не только в лексике, но и в синтаксических особенностях письменного языка этого периода. Другая традиция, устная, связанная с древней эпической песнью, получила свое отражение в единичных эпических памятниках этой эпохи. Характерный для этих памятников лексический отбор создает своеобразную неповторимую стилистическую замкнутость эпических литературных образцов. Ср. *gûd-hamo* «кольчуга», *sêo lîdanti* «мореплаватель», *sunufatarungo* «отец и сын», *irmindeot* «весь народ» и др. Вместе с тем такой оригинальный памятник, как записанная в IX в. эпическая песнь о Гильдебранде, уже обнаруживает своеобразную особенность, свойственную многим более поздним письменным памятникам, — сочетание разных диалектных черт, сосуществование южных и северных форм, никогда не сочетавшихся ни в одном живом диалекте.

Этот ранний период существования письменности на немецком языке — период, когда лишь создавались предпосылки появления нового литературного языка, что происходило при наличии развитого литературного языка на чуждой основе (латынь), литературного языка с многовековой традицией, действующего в разнообразнейших сферах общения. Закономерности этого чуждого литературного языка воспринимались как непревзойденный образец, которому старались подражать при письменной обработке немецкого народного разговорного языка.

Новый литературный язык создавался на базе местных диалектов, в ряде отношений значительно разошедшихся в своем развитии, и имел поэтому с самого начала несколько вариантов. Отсутствие единства литературного языка, а тем более отсутствие литературной нормы характеризует историю немецкого языка и в последующие периоды, вплоть до эпохи Реформации и Великой крестьянской войны.

4

XII—XIV вв. представлены уже развитым литературным языком на народной основе. Богатая рыцарская литература (рыцарский роман, рыцарская любовная лирика), шпильманский эпос, продолжающий до известной степени традиции древней эпической песни, религиозно-философская проза, наконец, деловая проза — вот те сферы, где используется немецкий литературный язык.

Как уже указывалось, не всякая письменная фиксация (например, хроникальные записи городских книг, протоколы судебных заседаний городских судов и т. д.) может быть отнесена к литературному языку. Простая письменная фиксация разговорной речи резко отличалась не только по своему стилю, но и по степени отражения диалекта от обработанного языка деловой прозы, запечатленного в таких памятниках, как «Саксонское зеркало». Любопытно отметить наличие в протоколах двух типов письменной фиксации. Один характерен для развитого канцелярского стиля, для деловой прозы как таковой. Другой проявляется в записях выступлений свидетелей и обвиняемых, он представляет собой непосредственную запись разговорной речи. Эти два элемента резко между собой различаются и по степени диалектной окраски, и по многим стилистическим особенностям.

Для исследователя той эпохи, когда уже имелся развитый литературный язык на народной основе с разнообразными функциональными стилями, вопрос о характере этого языка, о его соотношении с местными диалектами представляет большую сложность. Важно учитывать, что в XII—XIII вв. в науке, публицистике, религии, праве, деловых документах еще господствовала латынь, существовавшая не только в письменной, но и в устной

форме (произведения ораторского искусства, проповеди и т. п.). Вытеснение латыни немецким языком происходило раньше в поэзии, чем в прозе, раньше в деловой прозе, чем в научной литературе, и т. д.

С другой стороны, местные особенности языка немецкой народности еще в XII в. отражались и в обработанной форме языка. В XII в. литературе так называемого Рейнского круга в широком смысле этого слова противостоят памятники южных областей Германии. Расхождения касаются, так же как и в более древние эпохи, не только фонетики, но и лексики. Лимбургец Генрих фон Фельдеке создает некоторые свои произведения почти на своем родном диалекте. Поэмы о Карле Великом XII века связаны в языковом отношении с районом Кельна и отражают специфические особенности кельнского диалекта. Нередко рукописи одного и того же произведения, появлявшиеся в разных районах Германии, представляют собой переделки произведения в соответствии с диалектом переписчика или интерполятора, как это было, например, с разными вариантами поэмы о короле Ротере, или лишь частичную обработку подлинника интерполятором, как это имело место с различными вариантами поэмы об Александре, где элементы среднефранкского диалекта сосуществуют с баварскими диалектными особенностями. Язык мистиков XIII в. явно сохраняет черты диалекта Средней Германии. Диалектные особенности сказываются и в деловой прозе.

При наличии нескольких местных (областных) вариантов литературного языка довольно явственно обозначаются и новые многообразные тенденции, в результате действия которых литературный язык как бы поднимается над ограниченностью диалекта. Отметим отдельные явления этого рода.

Известно, что в XIII в. на первый план выдвигаются районы Швабии, Эльзаса и Южной Франконии, игравшие ведущую роль в политической, экономической и культурной жизни страны. Произведения поэтов этих областей (Гартман фон Ауэ, Готфрид Страсбургский) становятся образцами, которым стремятся подражать поэты и писатели, уроженцы и жители других местностей. Язык юго-запада становится как бы эталоном литературного языка. Так, саксонец Альбрехт фон Гальберштадт извиняется перед своими читателями и слушателями за то, что в его языке могут встретиться элементы родного диалекта. Об этом пишут и уроженцы Тюрингии. Другие, напротив, протестуют против швабской моды и стремятся отстаивать право своего диалекта на литературную обработку. А известный проповедник XIII в. Бертольд Регенсбургский высмеивает стремление жителей Северной Германии подражать в одежде, нравах и языке юго-западу. Вместе с тем сами поэты юго-запада Германии, в том числе Гартман фон Ауэ и Готфрид Страсбургский, отнюдь не просто фиксируют родной диалект. Уже к XIII в. может быть отнесено возникновение принципов известной поэтики Гуго фон Тримберга конца XIII в., где указывалось на то, что поэт может брать из любого диалекта тот материал, который ему подходит. Этот принцип очень хорошо отражает понимание соотношения литературного языка и диалекта в данную эпоху. Поэтому в произведениях средневековой литературы широко использовались фонетические, грамматические и лексические диалектные варианты. Так, например, у одного и того же писателя встречаются параллельные (юго-западные и юго-восточные или франкские) формы: *gân* и *gên* «идти», *stân* и *stên* «стоять», *nâ* — *nach* «близко», *hâ* — *hoch* «высоко».

Грамматические дублиеты *genannt* — *genennet*, *gelaret* — *geleret*, *began* — *begunde*, алеманнск. *machte* и франкск. *mochte* (от глагола «мочь»), *wesse* — *weste* (от глагола «знать») встречаются у одного и того же автора. Иногда два диалектных синонима сочетаются в виде парных слов типа севернофранкск. *blide* «весело, радостно» и южного *fro*: *blide unde fro*; *pferd*

unde ross, kleid unde wāt и т. д. Широко использует этот прием в своих проповедях Бертольд Регенсбургский.

Вместе с тем те же поэты юга Германии избегали резких диалектных черт, например, характерного для этой области перехода $\hat{a} > \hat{o}$, *au, hāt > hôt, haut*, а также форм с нередуцированными окончаниями типа *wandelote, dannan, wannan* и специфических диалектных слов.

Наряду с этим весьма сильно действовал стилистический отбор лексики в пределах определенного жанра письменности; складывалась своеобразная стилистическая традиция, что придавало литературному языку также обобщенный наддиалектный характер. Так, например, языку рыцарской поэзии свойственны не только многочисленные заимствования из французского языка типа *amur* «любовь», *garzin* «мальчик», «паж», *aventure* «приключение», *rivier* «река», *turnir* «турнир» и т. д., особенно в области лексики, связанной с кругом представлений, относящихся к быту и культуре рыцарства, но и стремление избегать лексики, весьма употребительной, например, в шпильманской поэзии, а частично и в проповедях Бертольда Регенсбургского; ср. *degen* «герой», *recke* «воин», *wine* «друг», *balt* «смелый», *fruo* «умный», *urlinge* «война» и т. д. Напротив, французские заимствования отсутствуют не только в поэзии шпильманов, но и в религиозно-философской и правовой прозе. Вместе с тем для последней характерен свой стилизованный штамп, свой отбор слов.

Стилизованность литературного языка в пределах различных жанров письменности сочеталась с повышением роли определенных фразеологических, синтаксических штампов, с определяющей ролью традиции, сложившейся в пределах данного жанра. Любопытно, что разные жанры письменности характеризуются разной степенью продуктивности тех или иных словообразовательных средств. Так, например, образование новых глаголов путем сочетания глагола с наречием в основном встречается в религиозно-философской прозе и не употребительно в рыцарской поэзии; ср. образования с *hin-, her-, uf-, umbe-, ūz-, in-*. Абстрактные имена существительные с суффиксами *-heit, -nisse/-nusse, -unge* распространены в религиозно-философской и деловой прозе и мало распространены в поэзии; ср. *eigenunge* «собственность», *besserunge* «улучшение», *vorderunge* «требование», *bekumberunge* «неприятность», «притеснение», *bundnisse* «союз», *empfelunisse* «рекомендация», «совет», часто встречающиеся в деловой прозе; *menschheit* «человечество», *frazheit* «обжорство», *staetekeit* «постоянство», *wisheit, klugkeit* «мудрость», *vrîheit* «свобода», *lûterkeit* «чистота» и т. д. — характерные для языка религиозно-философской литературы.

Особенно существенно то обстоятельство, что перечисленные явления характерны для языка деловой и религиозно-философской прозы независимо от диалекта и не могут быть сведены к особенностям местного варианта литературного языка¹. Перед нами стилизованные особенности определенных жанров, имеющие уже в XIII, XIV вв. н а д д и а л е к т н ы й характер и сочетающиеся в литературном языке с отражением диалектных особенностей различных областей Германии. Чем значительнее сознательная обработка разговорной формы языка, следование определенным тра-

¹ Мы обращаем внимание на это обстоятельство, так как в литературе по интересующему нас вопросу широко распространена другая точка зрения. Так, Ф. К а р г (см. F. K a r g, Das literarische Erwachen des deutschen Ostens, Halle, 1932) рассматривал эти явления как специфическую особенность языка Метильды Магдебургской и близкого ей круга авторов. Этой же точки зрения придерживается вслед за Каргом и другими германистами и С. Д. К а п н е л ь с о н в своей статье «Образование немецкого национального языка» («Ученые записки [Иванов. пед. ин-та]», т. VI, 1954, стр. 47).

дициям, узаконенным образцам, тем более далеким от диалекта является язык произведения, чем более непосредственной является письменная фиксация, тем более ясно выступают диалектные особенности.

Весьма показателен в этом отношении материал различных правовых документов. Хотя мы здесь и не встретим документа, свободного от диалектной окраски, обусловленной родным диалектом писца, или адресата документа, или города, где этот документ составлен, но анализ различных типов грамот позволяет установить разную степень проникновения диалекта в деловую прозу. В целом, однако, язык деловой прозы, несмотря на имеющийся штамп и лексический отбор, ближе к диалекту, чем язык художественной литературы.

Таким образом, соотношение литературного языка и диалекта в эпоху расцвета языка немецкой народности раскрывается как весьма сложная, многоступенчатая система. Литературный язык этого периода хотя и не имеет единой наддиалектной нормы, но вместе с тем отличается от простой письменной фиксации диалекта и во всем многообразии своих вариантов все же осознается как нечто целостное, как *tiusche zunge* в отличие от *landesprache* (областные языки), о чем и писал в конце XIII в. Гуго Тримберг.

Не случайно, например, что для поэта Готфрида, уроженца Страсбурга, лимбуржец Генрих фон Фельдеке при всем диалектном своеобразии языка последнего был создателем культуры немецкого языка, иными словами создателем литературного немецкого языка XII—XIII вв.

Сложная система литературного языка XII—XIII вв. весьма далека от тех представлений о классическом средне-верхненемецком языке, которые были свойственны в XIX в. школе Лахманна и наложили известный отпечаток на многие серийные издания средне-верхненемецких текстов. Для закономерностей развития литературного языка Германии характерно, что многовариантность литературного языка сохраняется и в последующие столетия.

5

Специфические особенности развития Германии XIV—XV вв. были подробно раскрыты Ф. Энгельсом в работе «Крестьянская война в Германии». Не имея возможности подробно остановиться на характеристике экономической, политической и культурной жизни Германии XIV—XV вв., отметим лишь стойкость феодальной раздробленности, обособленность развития отдельных областей.

Для дальнейших судеб немецкого литературного языка особое значение имело перенесение центра экономической и культурной жизни Германии на восток, в связи с чем в дальнейшем именно этому варианту литературного языка суждено было сыграть определяющую роль в установлении современной литературной нормы.

Вместе с тем растущий город все более обособлялся от сельской местности. Этот процесс был связан также и с заселением крупных городов выходцами из различных районов. Цеховое уложение, институт бродячих подмастерьев способствовали широким связям городов (особенно крупных) и их населения с различными районами Германии. В этом отношении весьма показательны биографические данные о первых немецких книгопечатниках. Так, например, известный аугсбургский печатник Günther Zainer родился в Рейтлингене, много путешествовал, искусству книгопечатания обучался в Страсбурге, откуда и прибыл в Аугсбург; Johann Sensenschmidt был родом из Эгера, ввел книгопечатание в Нюрнберге, затем переселился в Бамберг. Один из крупнейших книгопечатников Кельна Heinrich Quentell был родом из Страсбурга и т. д. Все это вело к стиранию

в городе диалектных особенностей того района, к которому он принадлежал, к появлению своеобразных городских полудиалектов, существующих и поныне в современной Германии и образующих как бы промежуточные звенья между литературным языком и собственно диалектами.

С 60-х годов XV в. значительное влияние на развитие немецкого литературного языка начинают оказывать книгопечатники. Крупнейшие для того времени книгопечатные предприятия создаются во всех больших городах Германии. Первопечатники G. Zainer, A. Sorg, H. Schönsperger, J. Bäumler в Аугсбурге; J. Zainer, C. Dingkmüt, L. Holle в Ульме; A. Koberger, J. Sensenschmidt в Нюрнберге; J. Mentelin, J. Grüninger, J. Pruss в Страсбурге; B. Ghotan, S. Arnds в Любеке; A. Pfister, J. Sensenschmidt в Бамберге; J. Koelhoff, H. Quentell в Кельне и многие другие издают в течение последних десятилетий XV в. и первых десятилетий XVI в. множество немецких книг как духовного, так и светского содержания: переводы библии, жития святых, псалтыри, произведения немецких мистиков, хроники, первые книги по естествознанию, путешествия (например, путешествие Марко Поло), произведения художественной литературы, словари и т. д. Нередко одна и та же книга появляется в изданиях разных печатников¹.

Анализ языка немецких первопечатных книг показывает, что местные (областные) варианты литературного языка продолжали существовать вплоть до Реформации и Великой крестьянской войны. Степень расхождения этих вариантов, как и характер их соотношения с диалектами той или иной области Германии, были весьма различны. Резко выделяются в этом отношении такие окраинные области, как ганзейские города на северо-востоке, Кельн на северо-западе, Цюрих, Базель на юго-западе. Любекские многочисленные издания имеют ярко выраженный нижне-немецкий характер. Стойко сохраняются фонетические, грамматические и лексические особенности диалекта северо-восточной части Германии². Спрос на книгу на нижне-немецком варианте литературного языка был столь велик, что в 1492 г. майнцский печатник П. Шефер издает нижне-немецкую хронику саксов Конрада Бото («Cronicken der Sassen»).

Нижне-немецкая литературная традиция продолжается и в XVI в. На северо-западе, в Кельне, многочисленные издания³ продолжают традицию кельнского варианта литературного немецкого языка XII, XIII вв. Еще в 1527 г. здесь выходит руководство по орфографии, сохранявшее полностью все особенности кельнской литературной традиции, отражающей закономерности среднефранкского наречия.

Значительно менее определенным является соотношение языка печатных изданий таких городов, как Аугсбург, Нюрнберг, Страсбург, Лейпциг, Майнц, Франкфурт-на-Майне. Несмотря на несомненные различия в языке этих изданий (в лексике, словоизменительных формах, особенно в орфографии), в целом они значительно ближе друг к другу, чем к изданиям окраинных территорий. К тому же в этих городах нередко

¹ Помимо многочисленных долютеровских изданий немецкой библии (Ментелина, Цайнера, Зензеншмидта, Зорга, Грюнингера и др.), много раз переиздавалась «Золотая легенда», или «Пассиональ» (Зорг, Кoberger, Брандис, Ариде, ван Рейхен), хроника царей и пап, популярная «Книга жизни» (перевод известной книги Марсилиуса Фиччини) и т. д.

² Ср., например, роскошное издание «Золотой легенды» («Der hyllighen leuent vnde ludent, anders genomet Passional»), опубликованное в 1499 г. С. Арндсом, или знаменитый лечебник, изданный Б. Готаном в 1483 г. («Eyin schone Arstedigeeboek van alerleye ghebreck vnde krankheyden der mynschen») и т. д.

³ Ср., например, известную кельнскую хронику («Die Cronica van der hilliger Stat va Coelle», изданную И. Кельхофом в 1499 г., или «Золотую книгу» («Dat ander deil des duytschen passionails»), изданную в 1485 г. Л. ван Ренхеном.

наблюдаются расхождения даже в изданиях, осуществленных в одном центре. Следовательно, непосредственная связь между диалектом города и языком печатника отсутствует. Так, сопоставление языка перевода Теренция, изданного в 1499 г. в Страсбурге Грюнингером, с особенностями языка его же издания 1515 г. «Das buch der vergift» или с переводом библии 1485 г. обнаруживает расхождения, например, в отражении новых дифтонгов, являвшихся еще и тогда признаком определенной диалектной группы и не свойственных народноразговорной форме языка г. Страсбурга, но воспринимавшихся многими печатниками как признак литературного языка, стоящего над диалектами.

В библии обозначение новых дифтонгов значительно более последовательно, чем в издании книги «Das buch der vergift» 1515 г., где сохраняются старые формы *tusent*, *krut*, *tütsch*, *nüw* и т. д. В других изданиях г. Страсбурга, например в переводе «Трактата о разных чудесах», изданном И. Прюс, обозначение новых дифтонгов совершенно отсутствует. Впрочем даже издания таких печатников, как Г. Цайнер в Аугсбурге и А. Кюбергер в Нюрнберге, отнюдь не представляют строгого единообразия. Так, Г. Цайнер в своем издании «Золотой легенды» (1471 г.) дает рядом старую форму *erdrich* и новую *erdreich*, старую форму *frund* (современное *Freund*), но новую *euch* и т. д. Наряду с этим сохраняются и старые дифтонги *bruoder*, *buoch* и т. д. в соответствии с диалектом г. Аугсберга. Кюбергер обычно последовательно обозначает новые дифтонги и сочетает эту форму с употреблением новых монофтонгов — *bruder*, *gut* и т. д., хотя в других случаях он колеблется между средненемецкими и более южными формами: ср. причастие от глагола «быть» — южная форма сильного причастия *gewesen* и средненемецкая слабая форма *gewest*; колебания в формах третьего лица множественного числа настоящего времени этого же глагола между *sein* и *sind*; колебания между более южными формами *sun*, *sunne* и средненемецкими *son*, *sonne* и т. д.¹

В этой связи язык печатных изданий Страсбурга, Аугсбурга, Нюрнберга и др. представляет собой своеобразное переплетение устоявшихся традиций письменного языка данных центров и диалектных особенностей, характеризующих язык города или самого печатника, а также новых тенденций, характерных для немецкого литературного языка конца XV, начала XVI в. Вместе с тем очень часто язык того или иного печатного издания определялся характером языка рукописи, оказавшейся в руках издателя. При перепечатке же книги, уже изданной другим печатником, возможно было влияние языка первого издания. У разных печатников, а нередко и в разных изданиях одного и того же печатника эти гетерогенные элементы сочетаются по-разному, на что в литературе до последнего времени было обращено мало внимания. Поэтому распространенное в литературе мнение о том, что в Средней и Южной Германии существовало пять вариантов языка печатников, обусловленных территориальным (диалектным) делением, следует рассматривать лишь как несколько упрощенную схему. Реальные отношения были более сложными, хотя в основной массе эти издания (например, аугсбургских печатников) имели некоторые языковые особенности, так же как и издания восточно-средненемецких городов.

В предисловиях к первопечатным книгам впервые появляется для обозначения литературного языка термин «*gemain teutsch*» («общенемецкий»). Этот термин встречается в предисловиях к изданиям городов Аугсбурга, Страсбурга, Нюрнберга; при этом каждый издатель подчеркивает, что

¹ Ср., например, «*Buch der croniken und geschichten mit figur und pildnussen von anbeginn der welt bis auf dise unser Zeit*», 1493 г.

именно его книга напечатана на подлинном общенемецком языке¹. Иногда рядом с этим термином появляется его уточняющая характеристика, например, «аугсбургский общенемецкий» и т. д. Также и М. Лютер, отмечая, что он в своих произведениях придерживался нормы канцелярии курфюрста саксонского (иначе — восточно-средненемецкого варианта литературного языка, характерного для Тюрингии и Верхней Саксонии), писал, что это «*ist auch die gemeinste deutsche sprache*» — («самый общий немецкий язык»).

Таким образом, разные варианты литературного языка еще в XV и XVI вв. объявлялись имеющими права общенемецкого языка. Однако показательно, что на это претендовали только издатели определенных центров Германии. Книгопечатники ганзейских городов или Кельна не говорят о том, что их язык надо считать общенемецким.

Необходимость выработки единого литературного языка осознается всеми передовыми деятелями Германии этой эпохи. Под знаком выработки этого единства проходит в значительной степени и переводческая деятельность М. Лютера. Интересны в этой связи впервые появившиеся в немецко-латинском словаре конца XV в. своеобразные стилистические пометы, *vul'r* (*vulgariter*), выделявшие просторечные с точки зрения составителя словаря лексические единицы в отличие от общепринятых, по его мнению, слов²; ср. противопоставление таких единиц, как *abschelen* и *schinden* = лат. *decorticare*; *Aiden* и *dochterman* «зять»; *anlegen die cleider* и *anziehen* «одеваться»; *haupt* и *kopf* «голова», *quelen* и *peinigen* «мучить», *mangeln* и *darben* «нуждаться» и т. д.

Интересно отметить, что *quelen* и *darben*, характерные для лексики Лютера, даются в словаре с пометой *vul'r*.

Более детальный анализ всех этих случаев показывает, что принцип отбора форм, понятие объема и характера лексики общенемецкого языка были для составителя словаря еще далеко не ясными. Тем не менее важно подчеркнуть осознание самого противопоставления общенемецких и просторечных, диалектных слов, впервые появляющееся в словаре, так как более ранние латинско-немецкие словники, например, изданный Цайнером в Аугсбурге в 70-х годах XV в., никаких стилистических синонимов не дают.

Однако о едином сознательном и последовательном нормировании литературного языка говорить еще нельзя. Это сказывается, в частности, и на колебаниях, наблюдаемых в указанном словаре в написании одних и тех же лексических единиц: одна и та же лексическая основа оформляется то по норме диалектов, сохранивших старые монофтонги, то согласно вокализму диалектов, развивших на их месте новые дифтонги (ср., например, *Ackerkrût*, но *Brachkraut*; *wîn*, но *edler wein* и т. д.). Та же непоследовательность наблюдается и в отношении обозначения старых дифтонгов. Но уже в конце XV в. и особенно в начале XVI в. в значительной части Германии признаком наддиалектного литературного языка становится сочетание новых дифтонгов типа *haus*, *mein*, *teutsch* и новых монофтонгов типа *gut*, *ging*. Эта закономерность постепенно становится признаком языка печатников не только Нюрнберга, Лейпцига, но и Страсбурга, Майнца, Бамберга, Дрездена, Виттенберга и Франкфурта-на-Майне³.

¹ В изданиях библии ссылка на «*recht gemein teutsch*» дается Г. Цайнером (1473—1475 гг.), И. Грюнингером (1485 г.), Отмаром (1518 г.) и т. д.

² «*Vocabularius incipiens teutonicum ante latinum*», Strassburg, Johann Grüninger, около 1495 г. (см. описание в справочнике по инкунабулам «*Nachträge zu Hains Repertorium Bibliographicum*», № 380).

³ Мы не касаемся здесь вопроса о путях проникновения новых фонетических закономерностей в письменный язык. Этот вопрос исследуется нами подробнее в печатающейся монографии «От языка немецкой народности к немецкому национальному языку». Следует лишь заметить, что процесс этот был значительно сложнее, чем изло-

В области консонантизма признаком литературного языка становится отсутствие неподвижных *p, t, k*. С различной степенью последовательности и отнюдь не единообразно отражались такие явления, как, например, оглушение звонких, отмечаемое особенно часто в изданиях Нюрнберга (ср. *pruder* вместо *bruder*, *paum* вместо *baum*), но чуждое более северным городам; делябиализация и лабиализация (ср. постоянное *m̄or* «море» в изданиях Нюрнберга); переход *â > â* (типа *hât > hôt*); переход *u > o* (типа *sun > son*, но и *gunst > gonst*, *kunst > konst*), особенно интенсивный в средненемецких диалектах; многообразно было и отражение редукции. Расхождения касались также грамматических форм, например, оформления аблаута сильных глаголов. Так, на юге уже в XV в. прошла унификация огласовки единственного и множественного числа претерита, тогда как в Средней Германии литературный язык сохраняет старое различие; поэтому на юге мы имеем *er blib — sie bliben*, *er sang — sie sangen*, а Лютер еще употребляет формы *er bleib — sie bliben*, *er sang — sie sunget*. Не было единства и в спряжении глаголов «быть» и «иметь», в роде имен существительных, в склонении имен существительных женского рода и т. д. Достаточно определенно выступало и лексическое своеобразие.

К эпохе Реформации и Великой крестьянской войны еще не существовало единого нормированного литературного языка в Германии, несмотря на наличие объединяющих тенденций. Это подтверждает прежде всего анализ языка той огромной полемической и агитационной литературы, которая связана с данным историческим периодом. До последнего времени литература эта находилась вне поля зрения языковедов и совершенно не учитывалась при изучении истории немецкого языка. Между тем нельзя понять роль М. Лютера в создании единого литературного языка, если не иметь в виду того огромного значения, которое приобретают вопросы языка в эпоху Реформации и Великой крестьянской войны. В ходе борьбы немецкого народа против засилья римской церкви, воплощавшей все тяготы феодального угнетения, вопросы языка оказались выдвинутыми на передний план. Впервые немецкий язык стал языком пропаганды и агитации среди широких народных масс. Его роль в развертывающейся идеологической борьбе была столь велика, что задача языковой унификации на народной основе привлекает внимание таких деятелей этой эпохи, как Лютер, Меланхтон и Агрикола.

Язык произведений Лютера представляет собой вначале один из вариантов литературного языка. Но уже в конце XVI в. этот вариант проникает на северо-запад вплоть до Кельна, на север — в район нижненемецкого литературного языка и на юго-запад — в Швейцарию. Длительнее всего сопротивляется его пропикновению юго-восток — Бавария и Австрия, где в XVI в. развивается особенно интенсивная борьба против средненемецкого варианта литературного языка, зафиксированного в произведениях М. Лютера.

Создание единого литературного языка, выработка единой наддиалектной нормы, исчезновение конкурирующих вариантов литературного языка происходит прежде всего в письменности. В народно-разговорной речи диалект сохраняет свои позиции еще много столетий. Это находит свое выражение, в частности, и в том, что именно орфоэпическая норма складыва-

жено в упоминавшейся выше статье С. Д. Кацнельсона: в одних случаях местная письменная фиксация отражала непосредственно практику народно-разговорного языка данной области, в других случаях местный вариант литературного языка отрывался от диалектной специфики своей территории и воспринимал особенности другого литературного варианта, осознаваемого в данную эпоху как образец. Следует вместе с тем указать, что С. Д. Кацнельсон прав, присоединяясь в критике Бурдаха и его школы к Т. Фрингсу и его ученикам.

ется позже всего. Известно, что не только Опиц и поэты XVII в., но даже Гете и Шиллер, так много сделавшие для закрепления и развития единого литературного языка, всю жизнь сохраняли особенности произношения родного диалекта, отражавшиеся прежде всего в рифме. Так, Гете произносил *g* как спирант и рифмовал *neige* и *Schmerzensreiche*; Шиллер произносил *й* как *и* и рифмовал поэтому *Glück* и *Blick* и т. д. Практически орфоэпическая норма (*Bühnendeutsch* «сценическое произношение») была оформлена как свод правил только к концу XIX в., да и сейчас является скорее идеалом, чем живой реальностью. Вместе с тем даже в XIX и XX вв., когда немецкий литературный язык постепенно распространяется в устной общении, в устной форме литературного языка, особенно в его разговорно-бытовом использовании, сохраняются известные местные различия в лексике и фразеологии и даже в грамматике, на что обращали внимание О. Бехагель, В. Хенцен и др.¹

Процесс становления единого немецкого литературного языка реализуется тогда, когда язык Лютера перестает восприниматься в качестве одного из местных конкурирующих вариантов литературного языка и переступает границы Тюрингии и Верхней Саксонии. Однако в связи с длительной экономической и политической раздробленностью Германии, создание единого литературного языка, выработка единой общенациональной нормы, противостоящей диалектам, затягивается на ряд столетий. Борьба различных течений в вопросе нормализации языка в частности борьба восточно-средней традиции с юго-восточной, составляет особый вопрос, на котором нет возможности останавливаться в данной статье подробнее. Однако живучесть диалекта или полудиалекта в народно-разговорной речи (то, что часто называется *Umgangssprache*) характерна и для современных немецких крупных городов; берлинское просторечие, сохраняющее многие отличительные черты нижненемецкого диалекта, верхнесаксонское просторечие таких городов, как Лейпциг, это не что иное, как городской полудиалект, весьма ограничивающий и сейчас употребление литературного языка в устной форме.

Что же представляет собой современный литературный язык в своей диалектной основе? За последние десятилетия, особенно в работах Т. Фрингса, подчеркивалась восточно-средненемецкая, или, иначе, верхнесаксонская (мейсенская), диалектная основа как современного немецкого литературного языка, так и языка М. Лютера². Однако, как показывает, в частности, работа Х. Бекера о саксонском диалекте, язык Лютера отнюдь не представлял собой простой фиксации этого диалекта. Характерное для верхнесаксонского диалекта стяжение дифтонгов *ei* и *ai* (ср. лит. *baum*, но *bôm*; *kleid* — *kled*) ни языку произведений Лютера, ни современному литературному языку не свойственны, как не свойственно и характерное для указанного диалекта совпадение лабиализованных и нелабиализованных гласных (*hübsch* = *hibsch*; *wir können* = *mir kennen*; *böse* = *bise*) или переход *e* в *a* (*schlecht* > *schlacht*; *sechs* > *sachs* и т. д.),

¹ Ср. материал, приводившийся рядом ученых, как, например, *Abendbrot* на севере и *Abendessen*, *Nachtessen*, *Nachtmahl* на юге; *Sahne* на северо-западе и *Rahm* на юге, *Schmand* в Пруссии; ср. также синонимы, как *Treppe* и *Stiege*; *Dachboden*, *Boden*, *Estrich*; *Fleischer*, *Metzger*, *Schlächter*; *Tischler* и *Schreiner*. Ср. также расхождения в системе значений одного и того же слова. Так, в Берлине *laufen* = «ходить», «идти», а на юге оно употребляется со значением «бежать», «торопиться»; на севере говорят *ein reines Hemd*, на юге — *ein frisches, saubres Hemd* и т. д. В грамматике различия сказываются в степени употребительности простого прошедшего, в выборе вспомогательного глагола при образовании сложных времен от глаголов *sitzen*, *stehen* и др.

² Вслед за Т. Фрингсом той же точки зрения придерживается в своей упоминавшейся выше статье С. Д. Каднельсон.

а также представленное в области консонантизма сохранение неподвижных форм в таких словах, как *strump*, *appel* и т. д.

Наконец, для верхнесаксонского, как, впрочем, и для некоторых других средненемецких диалектов, характерен переход *nd* в *ng* типа *hing* вместо *hinten*, *gefung* вместо *gefunden* и т. д. Все эти особенности не закрепились в немецком литературном языке.

Не менее сложной оказывается диалектная основа лексических норм современного немецкого литературного языка, так как на протяжении веков неоднократно менялись принципы отбора лексических средств из всего многообразия диалектных и стилевых возможностей народного языка. Так, распространенное во всей немецкой литературе VIII — XI вв. общегерманское *quena* «жена» уже в XII — XIII вв. становится признаком местного, ограниченного только югом варианта литературного языка. В древневерхненемецкий период общегерманское *gomo* «муж», «человек» и *man* «муж» выступают как равноправные элементы лексического состава языка письменности. Затем постепенно *gomo* в значении «человек» вытесняется субстантивированным прилагательным *menisko*, образованным по типу лат. *humanus* от основы *man* (ср. современное *Mensch*), а поскольку *man* издревле являлось синонимом *gomo* в значении «муж», то и в этом значении *gomo* еще в средневерхненемецкий период становится мало употребительным, а затем совсем исчезает из литературного языка. Прилагательные *mihhil* «большой», *lützel* «маленький», имевшие широкие этимологические связи в других германских языках, входили в лексику литературного языка различных областей Германии в течение ряда столетий, а затем вытесняются из литературного языка прилагательными *klein* и *groß* и сохраняются лишь в диалектах. Еще рукописи XIV, XV вв. и первые печатные книги отражают борьбу *miachel* и *groß*, *lützel* и *klein*, хотя упоминавшийся выше словарь, как впрочем и другие словники XV в., уже не дают *miachel*.

Подобные изменения в судьбе отдельных слов, прослеживаемые в истории немецкого языка, отнюдь не всегда объясняются влиянием известной диалектной базы. Впервые К. Бадер в специальной работе показал процесс лексического отбора, протекавший в литературном языке XV, XVI вв.¹ Еще до него А. Сопин при сопоставительном анализе лексики Лютера и базельского варианта литературного языка использовал известный глоссарий базельского печатника А. Петри, который последний включил в базельское переиздание библии Лютера². Эти материалы были использованы А. Бахом в его «Истории немецкого языка» для обоснования восточно-средненемецкой основы современной лексической нормы³. Этой же точки зрения — на основании тех же данных — придерживается и С. Д. Кацнельсон, сохранивший и характерную для Бадера и Баха интерпретацию указанного материала.

Не приходится сомневаться в том, что традиция восточно-средненемецкого варианта литературного языка была широко использована Лютером (на что указывал ряд исследователей), но существенно отметить, что многие так называемые средненемецкие лексические особенности вошли в литературный язык таких городов, как Нюрнберг, Страсбург, задолго до Лютера (о чем в свое время говорил еще Бадер) и уже не являлись отличием этого варианта литературного языка, а имели более широкое распространение. Установление границ распространения отдельных слов

¹ K. von Bahder, Zur Wortwahl in der Frühneuhochdeutschen Schriftsprache, Heidelberg, 1925.

² A. Socin, указ. соч.

³ A. Bach, Geschichte der deutschen Sprache, Heidelberg: 4-e Aufl. — 1949; 5-e Aufl. — 1953.

литературного языка XV—XVI вв. отнюдь не всегда может быть доказательным вследствие наличия сложного взаимовлияния различных литературных традиций и различных лексических пластов, а также вследствие изменчивости границ распространения тех или иных слов. Недостаточно изучено в этой связи соотношение стилистической и диалектной дифференциации лексики. Вместе с тем известно, что в дальнейшем развитии немецкого литературного языка так называемые южные и восточно-среднемецкие дублеты XV и XVI вв. оказались равноправно включенными в лексическую норму; ср., например, *flehen* — *bitten*, *fühlen* — *empfinden*, *quall* — *pein*, *rasen* — *toben*, *schmücken* — *zieren* и т. д. Не следует забывать в этой связи, что и часть лексики, характерной для языка Лютера, исчезла затем из литературного языка, вытесненная более южными дублетами.

Обращаясь к языковой деятельности Лютера, следует указать, что в своих ранних произведениях он часто употребляет формы, значительно более близкие его родному диалекту (типа *gewest* вместо *gewesen*), не закрепившиеся в дальнейшем в литературном языке: *wilcher* вместо *welcher*, *bede* вместо *beide*, *gonst* вместо *gunst*, *wegern* вместо *weigern*, *furt* вместо *fort* и т. д. Лишь в более поздних произведениях Лютер освобождается от многих специфических местных черт, примыкая к традиции литературного языка более южных областей Германии. Небезинтересно отметить, что у Лютера встречается и характерный для юга вариант словообразовательного суффикса *-nuss*. Правда, нередко трудно точно установить, что принадлежало непосредственно языку Лютера и что должно быть отнесено за счет работы вittenбергских печатников, издававших его труды. Свидетельства современников указывают на то, какая огромная сознательная работа проводилась Лютером, а также печатниками и друзьями Лютера над языком его произведений в целях достижения максимальной ясности и понятности. Именно в связи с этим Энгельс писал, что Лютер очистил немецкий язык, что он первый создал современную немецкую прозу.

Нельзя, конечно, отрицать, что Лютер был подлинным мастером слова, а победа Реформации в преобладающем большинстве немецких земель делала его книги наиболее популярной литературой и это способствовало победе того варианта литературного языка, который он закрепил в своих произведениях. Но сам Лютер включается в традицию литературного языка не только восточной средней Германии, поскольку он использует и наиболее популярные формы более южного варианта литературного языка, заменяя ср.-нем. *Heubt* более южным *Haupt*, ср.-нем. *konst* более южным *kunst*, *spügniß* «призрак» словом *gespenst*, *bestriicken* «связать», «поймать» словом *fangen* и т. д. Таким образом, закономерности языка Лютера не могут быть поняты вне традиции литературного языка предыдущих десятилетий, в том числе и южного варианта литературного языка.

В последующем развитии немецкого языка еще в большей степени сказывается сложность его диалектной основы. Лексическая, грамматическая, орфоэпическая норма как бы впитывают элементы разных диалектов. Если в эпоху Лютера такие лексические единицы, как *gleich* и *ähnlich*, *empfinden* и *fühlen*, *rasen* и *toben*, *flehen* и *bitten*, *gefäss* и *geschirr*, *getreide* и *korn* и т. д., были элементами разных диалектов, то сейчас оба элемента каждой пары вошли в литературный язык. Нельзя понять современную орфоэпическую норму немецкого языка, если не видеть в ней сочетания различных диалектных черт.

Приведенные факты указывают на сложность процесса формирования немецкого литературного языка и того, что можно назвать единой наддиалектной нормой. Литературный язык создавался и развивался на основе отбора и фиксации того, что существовало в народно-разговорной

форме немецкого языка. При этом литературная традиция играла важную роль. Отбор и связанная с ним впоследствии нормализация являются отличительными признаками процесса развития немецкого литературного языка. Вырастая из диалектного многообразия языка немецкой народности, литературный язык в условиях существования немецкой нации воплощает единство общенациональной языковой нормы, подчиняющей себе диалект и постепенно вытесняющей его из всех сфер общения.
